

Виктор Борисович Вургафтик

МОЯ БЕСКОНЕЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ

(Васильевский остров, февраль 1973 года)

Некогда я не видел себя. Я был тогда невинен, но «тогда» – неверное слово, потому что время для меня не текло.

И вот я увидел себя, и потекло время. Увидев себя, я изменился – стал грешником. Но я видел себя таким, каким был прежде, – невинным. Мое видение было искаженным, я жил, как говорит Я. С. Друскин, в непосредственности греха.

Затем через посредство Я. С. Друскина я увидел, что я грешник. Но это видение тоже изменило меня, и я став праведником – был оправдан. Я вновь видел себя не нынешним, а прежним, это было раскаяние.

И вдруг я увидел себя сейчас. Мои и все человеческие дела предстали передо мной ничтожными и не имеющими значения. Важен был лишь неземной благостный Свет, Который на меня изливался. Но «был» – неверное слово, потому что не было времени. Это истинное видение в третий раз изменило меня. Вскоре оно пришло вторично.

После того раскаяние оставило меня. Может быть, со мной свершилось по слову Христа: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (И., 9, 39). Я вновь стал грешником, который не видит своего греха. Я думал, что это и есть мое «видение невидения», о котором писал Я. С. Друскин. Я говорю здесь не о незнании греха – я знаю о нем, – а именно о невидении, об отсутствии экзистенциального переживания его – раскаяния. Оно бывает лишь как боязнь наказания – от Бога или человека. Но свое невидение я не просто знаю, а именно вижу, потому что помню об истинном видении.

Применимы ли ко мне слова Христа: «Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (И., 9, 41)? Я не вижу и говорю, что не вижу. Но ведь я вижу, что не вижу, и говорю это. В конечном счете я все-таки вижу и, следовательно, грешник. Может быть, это и означают слова «праведный грешник»?

Но иногда ко мне приходит истинное видение другого рода, и я в нем не таков, как в том истинном видении. Возможно, это, как считают некоторые, воспоминание о том, чего не было в этой жизни (или, добавлю, предвидение того, чего в ней не будет). Я вижу в нем прекрасное и люблю. В том видении я видел Небесный свет, а все земное не имело значения. В этом я вижу прекрасное, а остального нет, потому что все прекрасно. Но нет той насыщенности, которая несколько раз была в прошлом. Это видение бывает, когда я ухожу от страшного или от ответственности перед собой. Я знаю, что Бог освободил меня от ответственности, а ответственность, превосходящую некоторый предел, даже запретил. Он освободил меня от всякого усилия над собой и запретил усилие, большее некоторого предела. Превосходя его, я уже не могу вернуться к свободе и пожинаю страдание; а, стараясь побороть его, прилагаю еще большее усилие. Бодрствовать для меня значит следить за тем, чтобы не превзойти этого предела. Но как часто я засыпаю!

В этом состоит моя бесконечная заинтересованность. Впрочем, самая бесконечная заинтересованность моя – это быть бесконечно близко к видению и любви со стороны страдания, чтобы, пройдя через нее, оказаться в усилении снова бесконечно близко к ней. В этом переходе я имею и осуществляю власть.